

Глава 7. Улыбка для камер

Солнце заливало центральную площадь фальшивым, почти кинематографическим светом. Я сидел в передвижном командном центре Vought — затемнённом фургоне, напичканном мониторами, откуда открывался идеальный вид на специально выстроенные декорации. На экранах транслировалась картинка с шести разных камер. И на каждой из них был он.

— Улыбайтесь шире. Тридцать градусов влево, на камеру Пятого канала, — произнес я в микрофон, глядя на центральный экран. — Идеально. Теперь задержите взгляд на толпе. Дайте им почувствовать вашу заботу.

В моем наушнике была лишь тишина, но на экране Хоумлендер безупречно выполнил команду. Его белоснежная улыбка сияла, глаза излучали уверенность и тепло. Толпа за ограждениями редела от восторга. Десятки тысяч людей тянули руки, выкрикивали его имя, плакали от одного его присутствия.

Смотреть на это было тошнотворно.

Вчера вечером этот же человек оставил на моем столе распечатку каждого моего шага за месяц. Он показал, что моя жизнь принадлежит ему от первой до последней секунды, а теперь стоял там, в свете софитов, играя роль спасителя человечества. И я был тем, кто дергал за ниточки этого представления. Мы работали в идеальном, пугающем симбиозе.

— Внимание всем постам, — голос режиссера трансляции прорезался в общем канале. — Готовность тридцать секунд. Начинаем сцену спасения. Пиротехника, готовность. Камеры три и четыре — фокус на балку.

Это было классическое благотворительное шоу Vought. Постановка с обрушением строительных лесов, где Хоумлендер должен был в последний момент перехватить падающую металлическую балку и спасти из-под обломков ребенка-актера. Все было отрепетировано до секунды.

— Я буду вести вас, — ровным тоном сказал я в микрофон, предназначенный только для одного слушателя. — Когда раздастся взрыв, выждите ровно две секунды для драматического эффекта, затем стартуйте.

Пиротехника сработала с глухим хлопком. Искусственный дым заволок площадку. Толпа охнула, когда массивные леса начали крениться.

Но дальше все пошло не по сценарию.

Статист — парень по имени Рик, игравший запаниковавшего строителя — должен был отпрыгнуть в сторону, освобождая сцену для героя. Но он споткнулся о скрытый кабель,

потерял равновесие и, падая, инстинктивно вцепился в ближайший предмет, чтобы удержаться на ногах.

Этим предметом оказался плащ Хоумлендера.

Рывок был недостаточно сильным, чтобы хотя бы сдвинуть супера с места, но статист с размаху ударился лицом о бронированное плечо, разбил нос и с громким стоном рухнул на колени, оставив на золотом эполете кровавый след. Хуже того, падающие леса, из-за нарушенной траектории, рухнули не в безопасную зону, а прямо на них, обдав Хоумлендера облаком цементной пыли и сбив с него идеальную позу.

На несколько секунд над площадью повисла мертвая тишина.

В фургоне кто-то из пиарщиков истерично охнул. Режиссер застыл с открытым ртом.

Я смотрел только на центральный монитор. Картинка в 4K передавала каждую деталь. Я видел, как замерла улыбка на лице Хоумлендера. Как дернулась мышца на его челюсти. Как медленно, неестественно плавно он опустил взгляд на коленопреклоненного, скулящего от боли статиста, который в ужасе пялился на испачканный кровью плащ.

Глаза Хоумлендера начали едва заметно наливаться красным свечением.

Он ненавидел, когда к нему прикасались без разрешения. Он ненавидел грязь. Но больше всего на свете он ненавидел выглядеть нелепо. А этот жалкий, истекающий кровью человек только что публично унизил его, превратив триумфальный момент в грязный фарс.

Я знал, что произойдет в следующую секунду. Лазеры включатся на долю мгновения. Достаточно, чтобы прожечь дыру в черепе этого идиота. Vought потом спишет это на «трагическую случайность при обрушении», но я видел микровыражение на лице супера. Это была чистая, незамутненная ярость.

Я нажал кнопку связи.

— Не смейте.

Мой голос прозвучал в его наушнике тихо, но предельно жестко. Никакого корпоративного тона. Никакой вежливости. Это был приказ.

На экране я увидел, как Хоумлендер едва заметно вздрогнул. Красное свечение в его зрачках не погасло, но замерло, пульсируя, как магма.

— Слушайте мой голос, — быстро заговорил я, не сводя глаз с его лица. — Он ничтожество. Он

мусор, который не стоит вашего внимания. Если вы убьете его сейчас, вы отдадите ему свою сцену. Вы позволите ему испортить ваше шоу. Не давайте ему этой власти.

Хоумлендер медленно, словно преодолевая огромное сопротивление, поднял голову. Он посмотрел прямо в объектив третьей камеры. Он не мог меня видеть, но я знал, что этот взгляд предназначался мне. В нем была ярость загнанного зверя, которому не дали растерзать добычу.

— Дышите, — скомандовал я, понизив голос. — Вы выше этого. Вы идеальны. Там, под обломками, плачет ребенок. Камеры ждут. Толпа ждет своего Бога. Дайте им его.

Секунда. Вторая. Я чувствовал, как бешено бьется мое собственное сердце, как холодный пот выступает на позвоночнике. Если он сорвется сейчас, вся моя работа, весь этот хрупкий баланс полетит к чертям. Я не просто пытался спасти статиста. Я тестировал, имеет ли мой голос хоть какой-то вес.

Красное свечение в глазах Хоумлендера медленно угасло.

Он отвернулся от камеры. Стряхнул с плаща цементную пыль с таким величественным безразличием, словно это был пепел от сигареты. Затем он шагнул вперед, переступая через съездившегося статиста так, будто того не существовало в природе.

— Камеры на него! Быстро! — рявкнул я в общий канал режиссерам. — Крупный план на лицо!

Хоумлендер подошел к завалу. Вместо того чтобы просто отбросить балку, как планировалось, он сделал нечто иное. Он медленно опустился на одно колено, погрузив руки в бетонное крошево, и с театральным, почти мученическим усилием поднял всю конструкцию разом. Пыль красиво осыпалась с его плеч в лучах солнца.

Он дотянулся до спрятанного в нише ребенка-актера, осторожно, словно хрусталь, вытащил его на свет и прижал к груди. Мальчик, напуганный реальным грохотом, плакал по-настоящему. Хоумлендер обнял его, прикрывая от пыли испачканным плащом. На его лице отразилось такое глубокое, сострадательное выражение, что в фургоне повисла звенящая тишина.

А затем толпа взорвалась.

Это был не просто рев — это была истерика. Люди кричали, аплодировали, некоторые плакали. Ошибка статиста не только не разрушила образ, она сделала его человечнее. Герой, который проигнорировал хаос и грязь ради спасения невинной жизни.

— Снято, — выдохнул режиссер, утирая пот со лба. — Боже правый, это лучший кадр за весь год.

Я откинулся на спинку кресла, чувствуя, как дрожат пальцы. Я закрыл микрофон.

Мы сделали это. Точнее, это сделал он, но впервые — по моей команде. Хоумлендер остановился, зацепившись за мой голос и возможность вернуть себе сцену. Этого хватило, чтобы отвести лазеры от статиста. Я не просто пытался спасти его. Я впервые увидел: в момент срыва Хоумлендер мог ухватиться за мои слова не как за приказ, а как за повод вернуть себе контроль.

Час спустя я находился в VIP-зоне для персонала, собирая свои планшеты и документы. Площадь уже опустела, рабочие разбирали декорации.

Дверь моего вагончика с тихим щелчком открылась, и в помещение вошел Хоумлендер.

Пространство мгновенно сжалось. Вагончик был тесным, и его присутствие заполнило каждый кубический сантиметр. От него пахло нагретым на солнце металлом, озоном и едва уловимым запахом чужой крови — пятно на плече так и не отстирали до конца.

Эшли Барретт, семеня за ним со стопкой отчетов, попыталась проскользнуть внутрь.

— Хоумлендер, это было феноменально! Аналитики говорят, что индекс эмпатии подскочил на...

— Вон, — не оборачиваясь, бросил он. Тон был ровным, но в нем лязгнула сталь.

— Но сэр, нам нужно обсудить...

— Я сказал: вон, Эшли.

Дверь захлопнулась с такой скоростью, будто снаружи образовался вакуум. Мы остались одни.

Я не стал отступать назад, хотя тело инстинктивно требовало увеличить дистанцию. Я стоял у стола, держа в руках планшет, и смотрел на него. Вблизи его идеальное лицо казалось высеченным из камня, но в глазах горело странное, лихорадочное оживление.

Он сделал два медленных шага ко мне.

— Идеальная картинка, — произнес он, смакуя каждое слово. — Ты вытащил из меня идеальную картинку, Эван. PR-отдел сейчас, наверное, захлебывается от восторга. Они думают, что это был гениальный импровизационный ход.

— Вы отлично справились с кризисной ситуацией, — спокойно ответил я, выдерживая его

взгляд. — Вы превратили катастрофу в триумф. Акции компании к вечеру взлетят минимум на три пункта. Ваша репутация не пострадала.

Хоумлендер тихо рассмеялся. Звук был сухим, и в нем не было ни капли веселья. Он подошел еще ближе, останавливаясь на границе моего личного пространства. Я чувствовал жар, исходящий от его тела.

— Моя репутация? — Он чуть склонил голову набок, разглядывая меня так, словно пытался заглянуть под кожу. — Ты думаешь, меня волнует, что эти муравьи там орали? Ты думаешь, я остановился из-за камер?

Мой пульс участился. Я заставил себя дышать ровно.

— На вас смотрели миллионы людей. Вы не могли позволить себе ошибку.

— Ошибку? — Он шагнул вперед, заставляя меня вжаться поясницей в край стола. Путь к отступлению больше не было. Он навис надо мной, его синие глаза потемнели, превратившись в два ледяных омута. — Я мог бы прожечь голову этого куса дерьма насквозь. Я мог бы расплавить его прямо там, на глазах у всех этих людей. И знаешь что? Vought бы всё замаял. Они бы сказали, что это был террорист. Или что он был заражен вирусом. А толпа... толпа бы всё равно аплодировала мне. Потому что они трусы. Они любят меня, потому что боятся.

Он поднял руку. Я рефлекторно напрягся, но он лишь коснулся кончиками пальцев моего наушника, который всё еще висел на шее. Жест был обманчиво нежным.

— Я остановился не из-за них, Эван, — его голос упал до интимного шепота, пробирающего до костей. — И не из-за Vought. И уж точно не из-за пиар-стратегии.

Он подался вперед, так близко, что я чувствовал его дыхание на своей щеке.

— Я остановился, потому что ты мне приказал.

Воздух в вагончике стал тяжелым, непригодным для дыхания. В его словах не было признания вины или слабости. Это была констатация факта. Он позволил моим словам вмешаться в тот момент и, похоже, получил от этого свое извращенное удовлетворение. Это не было поражением в его глазах. Это была извращенная форма доверия, смешанная с одержимостью.

Он понял, что мой голос способен пробиться сквозь его гнев. И вместо того, чтобы уничтожить меня за эту дерзость, он пришел за наградой.

Хоумлендер отстранился ровно на столько, чтобы поймать мой взгляд. В его глазах больше не было льда — только обжигающая, голодная потребность, которую ни одна толпа не могла удовлетворить.

— Ты мной гордишься, Эван?

<http://bllate.org/book/18410/1759047>